

Глава 4

ПЕТРОГРАД-ЛЕНИНГРАД

1918–1929

1

Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю периода Гражданской войны очень ярко отражают и петроградскую жизнь времен военного коммунизма, и собственные его настроения в эти годы. Так, 8 сентября 1918 г. он пишет: «Здесь становится довольно нестерпимо во всех отношениях. Уж если я, влюбленный в Петербург, говорю это, поверьте, что имею основание»¹. В письме от 1 января 1919 г. читаем: «Вообще не сладко здесь живет. Голод и холод, холод и голод. <...> Ежедневно слышишь о новых и новых смертях»... «Зима стоит еретическая, как выражался покойник протопоп Аввакум»². О том же, но в юмористическом тоне 22 марта 1919 г.: «У нас тут все пока идет по-старому. Не то чтобы благополучно, а так, на любителя. По-прежнему наш быт характеризуется немецким стихом: “Sie assen nichts, sie tranken nichts, sie wussten von der Liebe nichts”³. Впрочем, лекции еще читаем. Средоточие профессорской жизни теперь — столовая Высших Женских курсов. Там пьем чай и размышляем о суете»⁴. Тарле сообщал своему корреспонденту о смерти коллег и знакомых: академиком А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова, А. А. Шахматова и Б. А. Тураева, экономиста В. В. Воронцова, бывшего народовольца Г. А. Лопатина и многих других, о положении в университете, о бесконечных реорганизациях и реформах высшей школы, об общих друзьях и недругах. С большим презрением отзывается Тарле о разного рода перебежчиках

¹ Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю. С. 268.

² Там же. С. 274.

³ «Они ничего не ели, они ничего не пили, они и не помышляли о любви» (нем.).

⁴ Там же. С. 280.

и «попутчиках» из среды интеллигенции, будь то историк М. К. Лемке, примкнувший к большевикам и обличавший своих недавних товарищей, или Б. В. Никольский, который, оставаясь монархистом и националистом, усматривал в установлении диктатуры основу для будущего возрождения России⁵. О последнем он писал 9 января 1919 г. В. Э. Грабарю: «Вот ракальон! Он даже не понимает всей карикатурности своего нынешнего маскарада (как духовного, так и гардеробного). Но его за эти подвиги зазорно даже на порог пускать. Впрочем, он и не пытается навязать здесь продолжение своего знакомства, хотя раз и был (когда приезжал из Воронежа несколько месяцев тому назад). Sans foi, ni loi!⁶ Мне казалось, что ему все же трудно будет с такою почти телеграфной быстротою вывернуть наизнанку некогда гревшую его шкуру. А он взял и вывернул»⁷.

Вместе с тем Е. В. Тарле, наряду с С. Ф. Платоновым, А. Е. Пресняковым и другими петербургскими историками, озабоченными судьбой архивов, принимал участие в организации Центрального государственного исторического архива и очень уважительно отзывался о руководителе архивного ведомства Д. Б. Рязанове. Летом 1918 г. по предложению Платонова он возглавил историко-экономическую секцию Петроградского отделения Центрархива⁸. Вообще, по своей натуре и темпераменту Тарле был далек от уныния. Письма его блещут умом и юмором, содержат замечательные характеристики людей, книг и ситуаций.

Лекции Е. В. Тарле в университете на темы новейшей истории, в частности, истории мировой войны, собирали огромную аудиторию⁹. В 1921–1924 гг. он также часто выступал в Доме

⁵ Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю. С. 271–272, 281–283, 286–288.

⁶ Ни стыда, ни совести! (франц.)

⁷ Там же. С. 276–277.

⁸ См.: Валк С. Н. Е. В. Тарле и литература советского архивоведения // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 18–25. По поводу архивной деятельности Тарле С. Н. Валк замечает, что «он был, и этого можно было ожидать, в гораздо большей мере блестящим, как всегда, историком, чем изучившим свои фонды архивистом» (Там же. С. 25).

⁹ В Петроградском университете в 1919/1920 г. Тарле читал курс «История международных отношений в связи с социально-экономическим и политическим развитием Западной Европы в XIX в.» и вел практические занятия

литераторов, Доме ученых и других аналогичных учреждениях с публичными лекциями и докладами, имевшими, по свидетельству современников, большой успех у «буржуазной» интеллигенции Петрограда. Так, согласно имеющимся данным, в 1920 г. Тарле прочитал в Доме ученых публичные лекции «О положении Германии после войны по немецким данным» и «Контрреволюционное движение в Германии», в Доме литераторов — «Внутренняя и внешняя политика Франции от начала войны до настоящего времени» (две лекции), «Англия до перемирия 11 ноября 1918 г.» и «Англия от перемирия 11 ноября 1918 г. до настоящего времени»¹⁰. Физик Ю. Б. Харитон, отец которого кадетский журналист Б. О. Харитон был в то время директором Дома литераторов, через много десятилетий вспоминал «артистические лекции еще молодого Тарле на темы “Людендорф” и “Тирпиц”»¹¹.

Е. В. Тарле печатался едва ли не в большинстве «буржуазных» журналов, выходявших в Петрограде в первой половине 1920-х гг. — в «Вестнике литературы», «Былом», «Делах и днях», «Экономисте» и, разумеется, в своем журнале «Анналы» (см. ниже). Он дал ряд очень интересных архивных публикаций, относящихся к русской истории последних десятилетий старого режима¹². Издательство «Былое», с которым Тарле по-прежнему был тесно связан, выпустило подготовленный под его редакцией сборник «Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции» и его собственную небольшую книгу «Печать во Франции при Наполеоне I».

Сборник о революционном трибунале представлял собой подборку документов и мемуаров, относящихся к эпохе якобинского террора 1793–1794 гг.¹³. Свидетельства о практике

«Литература и источники по истории демократических учений в новое время». См. хронику: Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 522–523.

¹⁰ Там же. С. 538.

¹¹ Харитон Ю. Б. Путь длиною в век. М., 1999. С. 31.

¹² См., напр.: Тарле Е. В. 1) Кн. Бисмарк и царевубийство 1 марта 1881 г. // Былое. 1919. № 14. С. 19–28; 2) Германская ориентация и П. Н. Дурново // Там же. 1922. № 19. С. 161–176; и др.

¹³ Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы. Ч. 1–2 / Ред. проф. Е. В. Тарле. Пг., 1918–1919. В числе переводчиков была сестра Тарле М. В. Тарновская.

и буднях французского террора не могли не вызывать у читателя аналогий с «красным террором» ЧК, и не случайно, надо думать, продолжение этой работы не увидело света¹⁴.

Достаточно остро звучала и работа Тарле о печати и цензуре во Франции при Наполеоне I¹⁵. Написанная на основе «долголетнего и непрерывного просматривания и чтения по разным поводам 32-томной “Correspondance” Наполеона» и по материалам парижского Национального архива, которые Тарле изучал до войны, она рисовала безотрадную картину полного подавления печати и доходящего до абсурда деспотизма великого императора. Книга кончалась словами о том, что перед историком, обратившимся к источникам, предстает во всей полноте «картина идеального, законченного уничтожения всяких признаков независимого печатного слова»¹⁶.

«Актуальность» этой работы, первоначальный вариант которой увидел свет еще до революции¹⁷, не осталась незамеченной. Выступая в августе 1922 г. с большой речью, «хозяин Петрограда» Г. Зиновьев заявил: «Вот книжка Тарле “Печать при Наполеоне I”. Кажется, что может быть цензурнее? Однако почитайте эту книжку, — и вы увидите, что и тут пытаются проповедовать контрреволюционные идеи»¹⁸.

Вообще, в эти годы Е. В. Тарле был полон разнообразных творческих замыслов, далеко не все из которых реализовались. Некоторые из них соприкасались со сферой философии и социологии политики. Так, в августе 1918 г. он заключил с петербургским издательством «Огни» договор написание книги «Великодержавность, ее возникновение и утрата» (другой вариант названия «Возникновение и развитие великодержав-

¹⁴ Оно было обнаружено в архиве и напечатано Ф. М. Лурье в недавнем репринтном переиздании сборника: Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции: Воспоминания современников и документы. Ч. 1–3 / Ред. проф. Е. В. Тарле. СПб., 2010. 334 с. (тираж 100 экз.).

¹⁵ Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I. По неизданным материалам. Пг., 1922. 56 с.

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ См.: Русское богатство. 1913. № 10. С. 115–147; № 11. С. 37–69.

¹⁸ Цит. по кн.: «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих (конец 1921 — начало 1923 г.): Документы. М., 2008. С. 239.

ности»)¹⁹. Августом 1919 г. датируется договор с этим же издательством на составление Тарле совместно с выдающимися обществоведами кадетской ориентации В. М. Гессеном и М. Я. Острогорским «Политического словаря»²⁰. Осуществлены эти проекты не были.

25 июля 1919 г. Тарле писал В. Э. Грабарю: «Я копаюсь по-прежнему в архивных бумажках и, вместе с тем, сильно размышляю на тему одной книжки (небольшой по размеру, труднейшей по исполнению, историко-обобщительного и философизирующего типа!), которая, если бы удалась, то могла бы быть названа (в скромное подражание Иммануилу Канту) “Prolegomena ко всякому будущему исследованию о возникновении, развитии и гибели Германской империи”. Но т. к. она не удалась (настолько, насколько я хочу), то назову ее потише и невзрачнее»²¹. Как можно думать, это намерение отчасти было осуществлено в вышедших через несколько лет больших статьях «Три катастрофы» и «Кризис Германии» (см. ниже).

Другие замыслы были связаны с архивными разысканиями и находками. 21 апреля 1921 г. Тарле сообщал Грабарю: «Выискал очень интересные и никому не известные рукописные донесения курляндских дипломатов из Парижа о Фронде (1648–49 гг.) и из Лондона об английской революции, казни Карла I <...>. 17-й век! И теперь пишу книжку о Фронде и ее историческом значении»²². Через несколько дней, 2 мая 1921 г. в письме к этому же корреспонденту Тарле писал, что работает над книгой «Вопрос о дипломатической ориентации России накануне войны» и задумал работы об аграрном вопросе в конце XIX в. в Ирландии и России и о русских финансах в момент окончания борьбы с Наполеоном²³. За исключением, может быть, статьи, посвященной спорам в русских правящих верхах о направлении внешней политики, эти планы остались неосуществленными.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 212. Д. 149. Л. 2–7.

²⁰ Там же. Ф. 212. Д. 97. Л. 1.

²¹ Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю. С. 284. Очевидно, имеется в виду книга «Падение Германской империи», договор о написании которой Тарле заключил с издательством «Огни» в июле 1919 г. (РО ИРЛИ. Ф. 212. Д. 149. Л. 11).

²² Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю. С. 285–286.

²³ Там же. С. 287.

В первые послереволюционные годы Е. В. Тарле сближается с группой петербургских ученых, которые до революции принадлежали к другому политическому лагерю. Имеется в виду прежде всего С. Ф. Платонов, в прошлом лояльный монархист и октябрист, избранный в 1920 г. академиком и игравший важную роль в кругу петербургских историков. Можно думать, что известную роль в этом сближении сыграли дочери Платонова Нина и Наталья Сергеевны, которые были слушательницами и почитательницами Тарле, авторами нескольких статей по французской истории XVIII в. Более близка к Тарле была Нина Сергеевна Платонова. В дневнике жены Платонова Надежды Николаевны за 1918–1921 гг. неоднократно приводятся, как правило, со ссылкой на мужа и дочерей и без обычных у нее антисемитских замечаний, высказывания Тарле на разные темы. Из них видно, в частности, что он внимательно следил за развитием событий в мире и постоянно читал (пока это было возможно) иностранные газеты. Комментировал он иногда и происходящее в России.

Приведем в качестве примера две записи Н. Н. Платоновой. 29 марта (11 апреля) 1919 г.: «Вчера Тарле говорил с Наташей о Колчаке. Как Тарле известно из очень хороших источников, шествие Колчака чрезвычайно победоносно: он взял Белебей, являющийся ключом к Самаре, окружил Вятку и быстро подвигается вперед; он — не монархист, а чистый бонапартист, сторонник сильной единоличной власти, диктатуры. Он хочет оставить за крестьянами ту землю, которую они захватили у помещиков, возместив помещиков деньгами за утраченное; это чрезвычайно подкупает крестьян, которые всегда встречают К[олчака] восторженно; в городах право собственности должно быть немедленно восстановлено»²⁴. Полутора месяцами ранее, 9 (22) февраля 1919 г. Платонова записала: «В настоящие дни в Париже как раз должен обсуждаться вопрос о наших внутренних делах. Тарле говорит, что ему страшно подумать об этом, т. к., к его величайшему сожалению, Павлуша Милюков сейчас в Париже (а ведь в газетах было известие, что его оттуда выслали!): умный человек, а никогда не делал ничего, кроме

²⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5699. Л. 29–30.

глупостей»²⁵. Несомненно, что здесь имелась в виду «германская ориентация» П. Н. Милюкова в 1918 г., но, возможно, и какие-то другие моменты его политической деятельности.

Заслуживает внимания и небольшая статья Тарле, помещенная в сборнике в честь Платонова, поводом для которой послужил выход 3-го тома «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка²⁶. По существу автор говорит в ней то же, что и в других своих работах, но в тоне ее можно усмотреть и желание не покоробить монархические чувства юбиляра²⁷.

С престарелым византинистом Ф. И. Успенским у Тарле сложились, по-видимому, настоящие дружеские отношения. В декабре 1921 г. по представлению Ф. И. Успенского и С. Ф. Платонова Тарле был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук²⁸.

В 1922 г. под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле начал выходить журнал всеобщей истории «Анналы». Фактически редактором его был Тарле, «редакция» помещалась в его квартире, издавало журнал, выходивший под грифом Российской Академии наук, частное издательство «Петроград». Состав авторов был исключительный: в «Анналах» печатались и старые, заслуженные патриархи науки (Ф. И. Успенский, Н. И. Кареев, В. П. Бузескул, В. В. Бартольд, И. М. Гревс, Ф. Ф. Зелинский), и ученые, находившиеся тогда в расцвете сил (сам Тарле, А. Е. Пресняков, О. А. Добиаш-Рождественская, А. Н. Савин, Д. Н. Егоров, С. А. Жебелев, В. Н. Бенешевич), и тогдашняя ученая молодежь (Б. А. Романов, А. Н. Шебунин, Г. П. Федотов, А. И. Хоментовская, В. В. Струве

²⁵ Цит. по: *Ростовцев Е. А.* Дневник Н. Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия В. М. Панеяха.* СПб., 2006. С. 278.

²⁶ *Тарле Е. В.* Русско-германские отношения и отставка Бисмарка // *Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову.* Пб., 1922. С. 419–424.

²⁷ Так, говоря об отношениях Александра III и Вильгельма II, автор замечал: «Подозрительный, осторожный и пасмурный государь не любил юркого, словоохотливого, лживого в самой основе своей натуры Вильгельма» (Там же. С. 421).

²⁸ См.: *Успенский Ф. И., Платонов С. Ф.* Записка об ученых трудах проф. Е. В. Тарле // *Известия РАН. Серия VI.* 1921. Т. 15. С. 67–72.

и др.). «Анналы» представляются ныне чем-то вроде блистательного смотра русской исторической науки накануне ее разгрома «покровщиной» — науки, не растерявшей еще своих лучших традиций, обогащенной историческим опытом революции и открытой новым темам и методам (в том числе «умеренному марксизму»), науки, связанной с блестящим расцветом русской культуры в первые десятилетия XX в.

В 1922–1924 гг. вышли четыре номера «Анналов», затем издание приостановилось «из-за отсутствия средств и цензурных условий», что, несомненно, было связано с наступлением М. Н. Покровского на «буржуазную историческую науку», развернувшимся в эти годы. Неоднократные попытки Тарле в 1925–1928 гг. возобновить издание «Анналов» (с открытием в нем отдела русской истории) не увенчались успехом из-за противодействия Покровского.

В первом номере «Анналов» Е. В. Тарле поместил статью «Очередная задача», которая принадлежит к числу его самых глубоких и искренних выступлений по общим вопросам истории²⁹. Многие почтенные старые схемы рухнули в наши дни, заявлял он: «Фрэнсис Бэкон был прав: XVII век был на семнадцать веков старше, а поэтому осведомленнее и “умнее” Цицерона, но и XVIII век был по аналогичным причинам умнее XVII-го, а XIX-й умнее XVIII-го, XX-й умнее XIX-го»³⁰. Историческая наука редко приходит к окончательным выводам, замечает Тарле: «О Французской революции стали писать в сколько-нибудь спокойном тоне только через тридцать лет после ее начала, да и то в виде редчайшего исключения. О ней и сейчас еще часто пишут не так, как нужно и должно писать о прошлом... До сих пор Робеспьер ссорится с Дантоном (хотя теперь первый называется Матьезом, второй Оларом и оба состоят профессорами истории); до сих пор Бабеф требует отчета за свою пролитую кровь, до

²⁹ Тарле Е. В. Очередная задача // *Анналы*. 1922. № 1. С. 5–20. Недавно появился английский перевод этой статьи: *Dukes P. Tarle's «The Next Task»: An Introduction and Translation // Revolutionary Russia*. 2011. Vol. 24. № 2. P. 173–191. Благодарю Б. И. Колоницкого, обратившего мое внимание на этот перевод.

³⁰ Тарле Е. В. Очередная задача. С. 8.

сих пор Мирабо гневно настаивает на своей реабилитации, до сих пор грозят и жалуются голодающие предместья»³¹. «Эпохи, подобные нашей, — продолжает Тарле, — обостряют способность к пониманию многого... Как хорошо понимают Макьявелли и Гвиччардини историю междоусобных войн! Как много почерпнул у маленького Кларендона великий Ранке, потому что этот Кларендон был умнее Ранке своим революционным опытом, хотя во всех других отношениях их даже смешно было бы и сравнивать! Насколько пресен и поверхностен в качестве историка блестящий Вольтер сравнительно с самыми скромными и маленькими историческими писателями, пережившими революцию!»³².

Далее следуют слова редкой силы и выразительности, заставляющие вспомнить Шопенгауэра: «Рвется старая ткань, обнажаются концы и начала, выступает стихия, которую в другое время не видишь, а только подразумеваешь ее присутствие... Государства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожною пленкою, первозданный хаос окутывает и топит скорлупу, которая только что представлялась несокрушимым и величавым ковчегом. Это только кажется некоторым слабонервным людям, попавшим в такой циклон, что они сходят с ума и бредят; нет, это они до сих пор бредили, убаюкиваемые искусственным спокойствием, забывши, что в нескольких аршинах под изящным ковром их каюты темная и бездонная пучина, готовая их поглотить, и что пучина есть извечная природная данность, а их каюта хрупкая и искусственная выдумка; что пучина была до каюты — и останется после каюты, а сами они еще могут изучать пучину, да и то изучают ее плохо, но управлять ею не могут никак; самое большее — могут попытаться отсрочить гибель своей скорлупки»³³. «Будем надеяться, — заключает свою статью Тарле, — что начало XX века окажется похожим на начало XIX-го не только истреблением в международном масштабе нескольких миллионов людей, но и появлением плеяды синтезирующих

³¹ Там же. С. 13.

³² Там же. С. 15.

³³ Там же. С. 15.

умов и талантов! Время для жатвы давно наступило, может быть, недалеко уже и жнецы»³⁴.

В последующих трех номерах «Анналов» опубликованы большие историко-политические статьи Тарле «Три катастрофы (Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир)»³⁵, «Англия и Турция»³⁶ и «Гегемония Франции на континенте в прошлом и настоящем»³⁷. Статьи эти навеяны переживаниями текущего момента, в частности, Версальским миром и оккупацией Францией Рура и Рейнской области в 1923 г. Тарле отнюдь не является апологетом Версальской системы, считая, что она чревата новыми неизбежными войнами. В статье о метаморфозах английской политики по отношению к Турции Тарле замечал, что в течение почти полутора веков Англия поддерживала Оттоманскую империю в противовес России, но с начала мировой войны моментально изменила курс и приступила к подготовке скорейшего раздела Турции. Насажение в Месопотамии, Саудии, Иордании зависимых от Англии арабских князей и королей, по мнению Тарле, как две капли воды напоминает британскую политику в Индии в XVIII в. В этой статье Тарле одобряет политику СССР в отношении кемалистской Турции: «Конечно, России выгоднее и безопаснее было иметь на Кавказе турок, а не англичан; конечно, Одесса, Севастополь, Николаев находятся в более надежном положении, когда в Босфоре стоит турецкий, а не английский флот... Нельзя, словом, придумать никакой русской точки зрения, с которой следовало бы ссориться с Кемалем»³⁸.

Очевидно, что к 1923 г. Тарле убедился в прочности советской власти и стремился найти какой-то способ сосуществования с нею как с реальной властью, выразившей в области внешней

³⁴ Тарле Е. В. Очередная задача. С. 20.

³⁵ Тарле Е. В. Три катастрофы (Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир) // *Анналы*. 1922. № 2. С. 59–94. Вышла также отдельной книжечкой: Пг., 1923. 64 с.

³⁶ Тарле Е. В. Англия и Турция // *Анналы*. 1923. № 3. С. 21–71.

³⁷ Тарле Е. В. Гегемония Франции на континенте в прошлом и настоящем // *Анналы*. 1924. № 4. С. 34–92.

³⁸ Тарле Е. В. Англия и Турция. С. 40.

политики хотя бы отчасти национальные интересы России³⁹. Не исключено, что первые годы нэпа с их относительным либерализмом порождали у него и какие-то надежды на возможность внутренней эволюции режима.

Любопытно, что эллинист С. А. Жебелев, не очень одобрявший основную линию журнала «Анналы», писал 18 января 1925 г. В. П. Бузескулу, что ученые статьи Успенского, Бузескула и еще нескольких авторов «звучат в диссонанс с общим характером других статей; некоторые из них, в особенности статьи Е. В. Тарле, были, впрочем, очень интересны»⁴⁰.

К этому же жанру историко-политической эссеистики относится небольшая книга Е. В. Тарле «Кризис Германии»⁴¹, в которой анализируются события 1918–1923 гг. — время почти полного доминирования Франции на европейском континенте и величайшего унижения Германии. Отчаянное положение Германии и усилия выйти из него описываются Тарле в эпически-бесстрастном тоне (он только не упустил случая еще раз выразить свою старую неприязнь и презрение к Вильгельму II)⁴², попытки Пуанкаре расколоть государственное единство по-

³⁹ Впоследствии, в 1930–1931 гг., когда Тарле был арестован, В. М. Далин припомнил, что в этой статье «нашу восточную политику Тарле пытался трактовать как традиционную русскую политику», и что слово «советский» ни разу в ней не употребляется (см.: Буржуазные историки Запада и СССР // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 59). Станным образом Е. И. Чапкевич усмотрел, что статьи Тарле в «Анналах» «свидетельствовали о понимании им качественного отличия внешней политики Советской России от царской дипломатии» (Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. С. 63). Думается, что фактически более прав здесь был Далин, несмотря на всю несимпатичность его тогдашнего выступления. Ср.: Тарле Е. В. Генуя // Экономист. 1922. № 3. С. 11–20.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76. Л. 12.

⁴¹ Тарле Е. В. Кризис Германии (От Версальского мира до наших дней). Пг., 1924. 48 с.

⁴² Единственный сравнительно положительный отзыв Тарле о Вильгельме находим в статье 1917 г., посвященной его переписке с Николаем II: «Император Вильгельм II обрисовывается в этой тайной корреспонденции в более благоприятном и ярком свете, чем его тогдашний друг. Пред нами человек, зорко и умело блюдуший интересы своей родины, ставящий себе точную дипломатическую задачу и неуклонно и разумно стремящийся к ее разрешению» (Тарле Е. В. Россия и Запад. С. 182).

верженной страны он считал не лишенными шансов на успех, учитывая сепаратистские настроения в Баварии и Рейнской области.

В 1924 г. была переиздана с очень незначительными изменениями книга Тарле о падении абсолютизма, дополненная новой главой «Революционные перевороты 1917–1918 гг.». Теперь книга называлась «Падение абсолютизма в Западной Европе и России»⁴³. Очевидно, автор не считал свою работу 1906 г. устаревшей. Очень коротко остановившись на гибели австро-венгерской и германской монархий, из которых последнюю, по мнению автора, можно рассматривать как полуабсолютистскую, он переходит к России. Падение самодержавия в России Тарле считает закономерным и неизбежным. «Период 1905–1917 гг. с точки зрения формально юридической был в истории России, конечно, временем конституционной монархии. Но фактически в распоряжении представителя верховной власти находились почти неограниченные возможности делать во внутренней и внешней политике все то, против чего протестовали законодательные учреждения», — пишет он⁴⁴. «Все эти двенадцать лет были упорною и непрерывною борьбою против конституционной фикции, установившейся в России. “Переход России к мнимому конституционализму” (Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus) — так называли некоторые германские государствоведы русскую политическую действительность 1905–1917 гг.», — указывал историк⁴⁵. Формула эта, как известно, принадлежит Максиму Веберу, и мы видим, что Тарле к ней полностью присоединяется. Он замечал, что во время мировой войны «в России началась неистовая, фантастическая, непрерывная, как бы умышленная энергичнейшая провокация революционного взрыва» со стороны самодержавия и что «в свои последние месяцы монархия сделала все, что только могла, чтобы сплотить своих противников»⁴⁶.

⁴³ Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. Пг., 1924. 188 с.

⁴⁴ Там же. С. 172.

⁴⁵ Там же. С. 174.

⁴⁶ Там же. С. 182–183.

Отметим также, что издательство Брокгауз-Ефрон сообщало в 1923–1924 гг. о предстоящем выходе в биографической серии «Образы человечества», издававшейся под общей редакцией И. М. Гревса, книг Е. В. Тарле «Наполеон» и «Бисмарк»⁴⁷, но они не были тогда написаны, а вскоре и сама эта серия прекратила свое существование.

2

В 1924 г., впервые после 1914 г., Е. В. Тарле получил возможность поехать во Францию и затем ежегодно до конца 1929 г. по несколько месяцев в году проводил в заграничных командировках, главным образом, во Франции. Он много занимался в архивах и библиотеках и возобновил связи с французским ученым миром. В письмах к жене из Франции Тарле упоминает о встречах и беседах с историками А. Оларом, А. Матъезом, Ф. Саньяком, Ш. Сеньбосом, А. Озе, К. Блоком, Ш. Шмидтом, Э. Дрио, Л. Эзенманом, филологами С. Леви и А. Мазоном, знаменитым физиком П. Ланжевром. Небольшая часть этих писем опубликована⁴⁸. Приведем еще некоторые интересные свидетельства.

8 сентября 1924 г. Тарле писал жене из Парижа: «Обедал сегодня с Albert Mathiez'ом. Он очень мил, и я его примирил с Оларом. Горжусь! Они грызлись 16 лет подряд в журналах»⁴⁹. Весьма любопытно письмо из Парижа от 22 октября 1926 г.: «Очень торжественный завтрак в Institut des études slaves. Был цвет французской науки. Председательствовал почетный гость военный министр Пенлеве (знаменитый математик). Меня посадили рядом с ним, и весь завтрак и полтора часа после завтрака он мне рассказывал об обстоятельствах падения своего кабинета в 1917 г., о роли Клемансо etc. “Я с Вами откровенен, как с историком”, — заявил он в конце. Поразительно интересно

⁴⁷ См., например, анонсы на обложках вышедших книг этой серии.

⁴⁸ См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 210–215, 220–223; Каганович Б. С. К биографии Е. В. Тарле (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 85–86.

⁴⁹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 155.

все, что он говорил. Массу рассказал о Самба, о Жоресе, войне, Вильгельме II»⁵⁰. В письме от 13 октября 1926 г. читаем: «Только что вернулся с заседания *Comité franco-russe*. Принимали нас с почетом. Председателем был знаменитый физик Ланжевен, вице-председателями — Пеллио (китаист) и Мазон. Рядом с Пеллио — Ольденбург, рядом с Мазоном — я. Таков президиум. А на креслах напротив — Шарль Диль, *Henri Hauser* (знаменитый историк-экономист), Луи Эзенман, Буайе и т. д. Цвет здешней профессуры и *Institut*»⁵¹. В другом письме, отправленном в тот же день, Тарле описывал банкет, данный в честь него и С. Ф. Ольденбурга: «Было человек 50 французских ученых. Из русских, всегда живущих в Париже, филологи Елисеев и Минорский. Был посол Раковский... Ланжевен после обеда долго со мной говорил, сказал, что я *grand historien*, словом, были французские тра-та-та, но очень все мило и любезно, а главное, все было умно и практично»⁵².

7 ноября 1926 г.: «Сейчас в посольстве у меня свидание с Рязановым и Матъезом. Они оба весьма походят друг на друга строением ума и темпераментом»⁵³. В одном из самых поздних писем, посланных из Парижа, от 11 декабря 1929 г., читаем: «Вчера на приеме в мою честь был милый полпред Довгалевский. Присутствовал весь филологический факультет. Довгалевский и я сидели напротив друг друга в середине большого стола, рядом со мной — декан факультета Делакруа и старейший профессор Торну, рядом с полпредом — Анри Озе и Сильвен Леви... Декан между прочим сказал: “Выдающийся ученый г. Тарле с его громадной эрудицией, с его действительно замечательным талантом, показал нам такие громадные результаты своей ра-

⁵⁰ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 148. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 2.

⁵² Там же. Л. 3. Японист С. Г. Елисеев (1889–1975) и иранист В. Ф. Минорский (1877–1966) — русские востоковеды-эмигранты. После сообщения в печати об их участии в этом банкете, Елисеев 6 ноября 1926 г. опубликовал в «Последних новостях» письмо, в котором указывал, что он пришел в помещение, не зная о присутствии советского полпреда. (Копия газетных публикаций приложена к одному из писем В. Ф. Минорского к петербургскому ориенталисту Ф. А. Розенбергу: ПФА РАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 83. Л. 27.)

⁵³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 148. Л. 9.

боты, что русская историческая наука может гордиться таким первостепенным ученым”»,⁵⁴.

В 1920-е гг. Е. В. Тарле был избран членом французских научных обществ: Общества истории Французской революции, Общества новой истории, Общества истории Великой войны, а также членом Академии политических наук при Колумбийском университете. Из выступлений Тарле в Париже особый резонанс приобрел его доклад в Сорбонне 30 ноября 1929 г. «Экономический союз европейского континента при Наполеоне I»⁵⁵. По существу доклад резюмировал основные положения его книги «Континентальная блокада», но в несколько ином стиле и с иными акцентами. Тарле подчеркивал, что «наполеоновская идея союза европейского континента» была порождена ожесточенной борьбой с Англией, что экономическое мировоззрение Наполеона было далеко от современного и что в то время «отсутствовали самые необходимые экономические предпосылки такого союза»⁵⁶. Однако, по мнению Тарле, именно со времен Наполеона получила распространение «эта новая ментальность, это чувство солидарности» европейских народов в сфере экономической деятельности. В этом отношении наполеоновская эпоха была наследницей «Великой Революции, породившей столько новых идей»⁵⁷. «Концепция союза европейских народов — одна из тех идей, которые та эпоха завещала будущему», — замечал Тарле⁵⁸. «Капиталистическая эволюция» создала, по его мнению, возможность такого союза, не направленного против Англии, Соединенных Штатов или какой-то иной державы.

Во Франции Тарле встречался также с рядом старых русских знакомых, живших теперь за границей. Посетив акад. В. И. Вернадского, он писал жене из Парижа 5 октября 1924 г.: «Был у Вернадских. Они живут в Bourg la Reine (Seine, 4 Rue Chemin du Fer). Живут тесновато (в столовой кровать), но

⁵⁴ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 226–227.

⁵⁵ *Tarlé E. Union économique du Continent européen sous Napoléon Ier. Idée et réalisation // Revue Historique. 1931. T. 166. N° 2. P. 239–255.*

⁵⁶ *Ibid.* P. 240, 249.

⁵⁷ *Ibid.* P. 252.

⁵⁸ *Ibid.* P. 254.

ничего по-тутошнему»⁵⁹. 14 октября 1924 г.: «Сын Вернадских в Праге, кровать у него продырявлена, стульев два, один без спинки, другой без сидения... Выбор предоставляется гостям сообразно с их вкусами и привычками»⁶⁰. В письме к жене от 7 ноября 1924 г. находим отзыв о петербургских коллегам-медиевистах: «Значит, тебе Ольга Антоновна (Добиаш-Рождественская. — Б. К.) понравилась? Она умная и ученая барыня. Умнее своего учителя Гревса в 46 раз и учнее его в 9 раз. И порядочнее в 216 000 000 раз. Пригласи ее на файфик после моего приезда»⁶¹. О том же в недатированном письме 1925 г. из Виши: «Читаю “Revue de Deux Mondes”. Занятная заметка о Мишле. Ведь была полоса этих болтунов — Мишле, Кинэ, Грановский. Ведь все это Ванюша Гр[евс] плюс талант (коего у Ванюши не имеется даже на два су). <...> Кстати, эти скоты (т. е. янки) ввели телесные наказания за нарушения prohibition (запрета спиртных напитков). Начинаю бояться за Ал. Ал. Вас[ильева], зная его пристрастие к рюмочке»⁶². Византинист А. А. Васильев (1867–1953), способствовавший в свое время приходу Тарле в Юрьевский университет, а затем бывший несколько лет его коллегой в Петрограде, в 1925 г. навсегда уехал в Америку и считается ныне основоположником византинистики в США. В Париже Тарле посещал также дочь С. Ф. Платонова Н. С. Краевич, жившую с мужем и сыном в эмиграции. 17 августа 1925 г. он сообщал жене: «Ал. Ал. Васильев был у Над[ежды] Серг[еевны], но не добрался; улица — говорит он — страшная: вонь, гвалт,

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 116. Академик В. И. Вернадский в 1922–1926 гг. жил за границей и был даже исключен из АН СССР как эмигрант (восстановлен в 1926 г.).

⁶⁰ Там же. Л. 122. Г. В. Вернадский (1887–1973) — историк, приват-доцент Петербургского университета, с 1920 г. в эмиграции. Работал в Праге, с 1927 г. в Йельском университете в США.

⁶¹ Там же. Л. 148. Разумеется, этот шуточный отзыв в частном письме не исчерпывал отношения Тарле к Гревсу (в котором его порой раздражал избыточный морализм и несколько сентиментальная патетика), да и О. А. Добиаш-Рождественская была не «барыней», а в своем роде классической русской интеллигенткой. Ср.: Каганович Б. С. Е. В. Тарле и петербургские медиевисты // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию. 2008. СПб., 2009. С. 25–32.

⁶² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 147. Л. 2.

в ее домишке бар с вопящими (и это будни) пьяницами, а выйти нельзя иначе, как чрез ноги пьяниц и все заперто наглухо. <...> Васильев удручен, а ведь он жестоковывный»⁶³.

Очевидно, в это время Тарле начал свою кампанию за избрание в Академию наук. Для этого ему требовалось прежде всего завоевать Историко-филологическое отделение, ряд членов которого (а также многие члены Отделения русского языка и словесности) были настроены достаточно консервативно и не рассматривали занятия новой и новейшей историей как достоянную академическую дисциплину, а Тарле считали полумарксистом. Свою кампанию Тарле провел быстро и блистательно. В недатированном письме к жене 1925 г. он писал: «Белочка, Вы устройте прием, когда академики съедутся на 200-летие нашей Академии! Нужно хоть чаем их угостить и представить им Черного Хвостика»⁶⁴. 24 августа 1925 г.: «Очень хорошая мысль предложить Бузескулу пожить в моем кабинете во время академического юбилея»⁶⁵. 30 августа 1925 г.: «Сильвен Леви близкий друг С. Ф. Ольденбурга и le tutoie еще с молодости. И у него будет жить»⁶⁶.

5 сентября 1925 г. Тарле писал жене: «Получил письмо от Инт-ха. Описывает “пир” у милого котенка по поводу Лих[ачева] и “блестящую речь Фед. Ив., которую слышали две его соседки, а остальные умилялись”. Телефонируй ему, что я был опять у Нади, у них все благополучно, были гости, было весело etc., и Надя очень всем довольна, а мне лично Луи Эзенман обещал все возможное сделать для мальчишки (а он там попечитель)»⁶⁷. 10 сентября 1925 г.: «Почему же бедному Щербатскому не при-

⁶³ Там же. Л. 154.

⁶⁴ Там же. Л. 70–71. «Черный Хвостик» — кошка или собачка.

⁶⁵ Там же. Л. 113.

⁶⁶ Там же. Л. 63. «Le tutoie» — они на ты (*франц.*). Индолог Сильвен Леви (1863–1935) был видной фигурой во французском академическом мире и общественной жизни.

⁶⁷ Там же. Л. 32. «Инт.» — судя по контексту, прозвище С. Ф. Платонова. «Милый котенок» — сама О. Г. Тарле. Н. П. Лихачев в 1925 г. был избран академиком по Отделению русского языка и словесности. Фед. Ив. — Ф. И. Успенский. «Надя» — Н. С. Краевич. «Мальчишка» — ее сын. Луи Эзенман — французский славист, профессор Сорбонны.

вести своей знакомой? Это не та, о которой ты думаешь, у него есть высоконаучной квалификации тоже»⁶⁸. Знаменитый индолог академик Ф. И. Щербатской имел прочно укоренившуюся репутацию старого жуира. 11 сентября 1925 г. Тарле писал жене: «Почему же Вы недовольны? Five хоть куда! Но Вы не обижайте бедного Щерб[атского], никого ужасного он ведь не привел бы все равно. Бедные Богословские и не могли быть, конечно, а потому и их хозяева. А five'к еще устрой до меня и приласкай обиженного Щ[ербатского]»⁶⁹.

Е. В. Тарле был избран академиком 7 мая 1927 г. по представлению академиков Ф. И. Успенского, В. П. Бузескула, М. М. Богословского и С. Ф. Платонова⁷⁰. В. П. Бузескул, как видно из его писем к С. Ф. Платонову, предпочел бы видеть академиком по кафедре новой истории Н. И. Кареева, но и Тарле считал достойным кандидатом⁷¹. М. М. Богословский писал 1 марта 1927 г. Платонову: «В Отделении Тарле пройдет гладко? Надо думать, что риска получить большое число черных шаров для него нет, т. к. вопрос, видимо, предрешен на предварительном совещании. Это, пожалуй, наиболее подходящая кандидатура. В Москве его избрание вызовет удовольствие»⁷². Записка о трудах Тарле была составлена Ф. И. Успенским. В Историко-филологическом отделении он прошел единогласно, «девятью голосами всех присутствующих», в Общем собрании получил 20 голосов из 29⁷³. Впрочем, вполне «своим» для С. Ф. Платонова и консервативно настроенной части академиков Тарле,

⁶⁸ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 147. Л. 9.

⁶⁹ Там же. Л. 42. Незадолго до того утонул 18-летний сын академика М. М. Богословского. Приезжая в Ленинград, Богословский обычно останавливался у С. Ф. Платонова.

⁷⁰ См.: Успенский Ф. И., Бузескул В. П., Богословский М. М., Платонов С. Ф. Записка об ученых трудах проф. Е. В. Тарле // Известия АН СССР. VI серия. 1927. Т. 21. № 18. С. 1557–1561.

⁷¹ РНБ. Ф. 585. Д. 2403. Л. 5–6.

⁷² Там же. Ф. 585. Д. 2327. Л. 7.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 176. Л. 84 (Протоколы Общего собрания АН СССР за 1927 г.). В отделении за Тарле голосовали, кроме подписавших записку, С. Ф. Ольденбург, П. К. Коковцов, В. В. Баргольд, Н. Я. Марр, Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский. Одновременно с Тарле академиком был избран С. А. Жебелев.

по-видимому, так и не стал. Любопытно свидетельство историка И. И. Любименко (1878–1959) в письме к члену-корреспонденту АН СССР С. И. Архангельскому от 30 октября 1957 г.: «С. Е. В. мы были знакомы давно <...>. Помню празднование в Доме ученых по поводу его избрания в академики. С. Ф. Платонов, с которым я сидела рядом, напирал на общественные услуги, которые он сможет оказать Академии при новой ситуации, как будто ставя его научные заслуги под сомнение (это в частном разговоре, конечно), но я всегда считала Е. В. интересным и талантливым историком»⁷⁴.

В академических делах в 1920-е гг. (как, впрочем, и позднее) Тарле не принимал большого участия⁷⁵. Он никогда не питал склонности к административной и организационной деятельности, не занимал никаких постов и вообще любил выступать «соло». В 1920-е гг. он в принципе поддерживал курс С. Ф. Ольденбурга на сотрудничество Академии с советской властью, с сохранением в максимально возможной степени внутренней независимости Академии. После известного январского «инцидента» 1929 г., когда в Академию не были избраны три коммуниста, Тарле первоначально не хотел подписывать противоречащее уставу предложение о перебаллотировке и подписал его только под давлением Платонова «ради спасения Академии»⁷⁶. Вообще у ряда современников сложилось впечатление, что в академических делах Тарле чаще всего поддерживал С. Ф. Платонова. Так, в показаниях, которые давал в 1930 г. арестованный по «Академическому делу» историк литературы Ю. Г. Оксман, читаем: «В научных кругах — университетских, архивных,

⁷⁴ Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 37–38.

⁷⁵ Несомненно, по инициативе Тарле членами-корреспондентами АН СССР были избраны в 1920-е гг. французские историки-новисты А. Олар, А. Матьез и К. Блок. По поводу первого он довольно фамильярно писал жене из Парижа 26 октября 1924 г.: «Что с делом Ол[ара]? Старая шляпа твой Стратилат. Пугни его непременно. Пусть выберут» (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 105). Под «Стратилатом» подразумевался византинист Ф. И. Успенский, от которого как от академика должно было исходить представление. Представления о Матьезе и Блоке, избранных в 1928–1929 гг., были составлены Тарле и подписаны, кроме него, рядом академиков.

⁷⁶ См.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006. С. 171–172.

литературных — возлагали большие надежды на то, что, став академиком, Е. В. Тарле оживит ряд мертвых учреждений, двинет работу, привлечет к ней новые силы и пр. Однако надежды эти ни в какой мере не оправдались. В Академии Е. В. Тарле оказался подголоском Платонова, ничем не корректируя даже установившегося во всех академических учреждениях архаического личного режима, далекого от интересов науки. Характерно, что в частных разговорах Е. В. Тарле охотно поддерживал резкие осуждения платоновского режима, подсмеивался над штатом научных учреждений, набранным в 1925–26 гг., иронически отнесся к многим из изданий Археографической Комиссии и Пушкинского Дома, но на вопросы, почему он не вмешивается во все эти безобразия, отделялся каламбурами и шуточками»⁷⁷. Несмотря на специфический характер этого источника (известно, в каких условиях давались такие показания) и на его неприятный привкус, думается, что в данном случае слова Оксмана в большой мере отражали истинное положение дел.

Одновременно с утверждением в академической среде Е. В. Тарле в 1920-е гг. стремился установить хорошие отношения с ведущими марксистскими историками того времени Д. Б. Рязановым и М. Н. Покровским. С первым ему это вполне удалось, поскольку Рязанов, старый социал-демократ, сам крупный исследователь истории марксизма, был очень умеренным и либеральным коммунистом и помогал многим ученым независимо от их политических взглядов⁷⁸. К нему хорошо относились С. Ф. Платонов и Д. М. Петрушевский⁷⁹. Тем легче было установить с ним отношения Тарле, который до революции считался «левым профессором», сотрудничал в изданиях легальных

⁷⁷ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб., 1998. С. 594.

⁷⁸ См.: Неизвестные письма российских ученых 20-х гг. / Публ. Я. Г. Рокитянского // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 92–118; *Рокитянский Я. Г., Мюллер Р.* Красный диссидент. М., 1996.

⁷⁹ 5 (18) августа 1918 г. С. Ф. Платонов писал московскому историку А. И. Яковлеву: «Рязанов очень хороший, но тяжелый человек. В эти дни (массовых арестов) он показал себя с превосходной стороны и утер много слез и освободил десятки лиц и обнаружил громадный такт» (Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 439. Л. 98).

марксистов и разрабатывал темы социальной истории, близкие Рязанову. В 1925 г. Тарле писал жене из Виши: «Ну-с, у меня, кроме массы отношений и дел, окрепли связи с Д. Б. Рязановым, директором московского Института Маркса и Энгельса»⁸⁰. Через год, 3 сентября 1926 г., он писал жене из Парижа о Рязанове: «Он очень благородный человек, и с ним хорошо иметь дело»⁸¹. Рязанов приглашал Тарле участвовать в изданиях его института. 29 июня 1929 г. Тарле просил Рязанова содействовать освобождению своей ученицы и друга М. К. Гринвальд, арестованной по делу религиозно-философского кружка «Воскресение». «Маргарита Константиновна Гринвальд, по слухам, находится под угрозой ссылки в концлагерь на пять лет!! — писал он. — Дело переслано в Москву, и вся надежда на смягчение ее участи — это если Вы захотите замолвить о ней прокурору республики Крыленко: теперь от него зависит все. Все, сколько-нибудь ее знающие, убеждены, что все дело в недоразумении... Давид Борисович! Никогда Вы не отказывались сделать доброе и справедливое дело. Не откажитесь и на этот раз»⁸². Но Рязанов уже ничем не мог помочь: недалеко было его собственное падение и ссылка в марте 1931 г.

Совершенно иные, чем с Рязановым, сложились у Тарле отношения с «организатором марксистской историографии в СССР», как его называли ученики, М. Н. Покровским, зам. наркома просвещения по высшей школе, не гнушавшимся применять административные меры для утверждения своей монополии в науке. Первоначально отношения Покровского и Тарле были, по-видимому, довольно терпимыми. Тарле не был уволен из университета в 1923–1924 гг., когда от преподавания были отстранены многие выдающиеся историки старой школы; время от времени он печатался в контролируемых Покровским журналах «Красный архив» и «Историк-марксист». Но положение совершенно изменилось после выхода в свет книги Тарле «Европа в эпоху империализма» (см. ниже).

Можно сказать, что в 1920-е гг. Е. В. Тарле, наряду с С. Ф. Платоновым и А. Е. Пресняковым, был центральной фигурой в мире

⁸⁰ Там же. Ф. 627. Оп. 4. Д. 147. Л. 46–47.

⁸¹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 221.

⁸² Неизвестные письма российских ученых 20-х гг. С. 110.

петербургских историков. Причем если Платонов, при всем своем авторитете и влиянии, был представителем уходящего поколения, слишком тесно связанным со старой Россией, то Пресняков и Тарле казались людьми, способными найти способ сосуществования с новым режимом, сочетая традиции академической «буржуазной» науки с элементами марксизма в его «умеренном», научном варианте. Когда в начале 1927 г. после долгих колебаний было открыто Ленинградское отделение Института истории РАНИОН, директором его был назначен А. Е. Пресняков, ученым секретарем Я. М. Захер, секцию русской истории возглавил сам Пресняков при ученом секретаре Б. А. Романове, секцию всеобщей истории — Е. В. Тарле при ученом секретаре П. П. Щеголеве⁸³.

В правление института Покровский делегировал коммунистов Г. С. Зайделя и А. М. Панкратову, которые регулярно отчитывались перед ним. Так, после доклада П. П. Щеголева Зайдель и Панкратова писали Покровскому: «Доклад был хороший, но обнаружилась интересная вещь: 1) Щеголев — ученик Тарле — предварительно согласовал доклад и внес целый ряд поправок по указаниям нашей коммунистической фракции, куда он сам обратился; 2) Тарле доклад хвалил, но не внес никаких поправок; 3) беспартийные были весьма пассивны, никто из них не выступал и выступления были исключительно из нашего лагеря»⁸⁴. ЛО Института истории РАНИОН просуществовало недолго — в конце 1920-х гг. Покровский взял курс на ликвидацию «буржуазной исторической науки», «попутчики», тем более с громкими именами и претензиями на самостоятельность, были ему больше не нужны, и он стремился заменить их своими кадрами из Института красной профессуры. А. Е. Пресняков умер 30 сентября 1929 г., незадолго до первых арестов по «Академическому делу»⁸⁵. Тарле оказался одной из главных жертв этого дела.

⁸³ Я. З[ахер]. Из деятельности Ленинградского отделения Института истории РАНИОН // Историк-марксист. 1927. Т. 5. С. 278.

⁸⁴ См.: Историк и время. А. М. Панкратова. М., 2000. С. 271 (письмо от 24 марта 1924 г.).

⁸⁵ 9 октября 1929 г. Е. В. Тарле писал жене из Парижа: «J'ai envoyé à Bor. Al. Romanov au Centrarchiv un petit "Памяти Преснякова". Téléphonez lui à l'instant et demandez de vous montrer ce petit manuscrit. Je ne sais pas où l'insérer. A "Krasnaia gazeta" de Soir?» (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 151.

Скажем также, что в 1920-е гг. Тарле был одним из патронов «Кружка молодых историков», собиравшегося в Доме ученых и на квартирах участников. Членами кружка были молодые ученые Б. А. Романов, А. Н. Шебунин, С. И. Тхоржевский, А. А. Введенский, П. А. Садиков, Е. Н. Петров, С. М. Данини, М. К. Гринвальд, Н. С. Платонова, Н. С. Платонова-Измайлова, Н. С. Штакельберг, С. В. Сигрист, А. Н. Насонов, В. В. Бирюкович и др.⁸⁶. «Файфики», о которых Тарле часто упоминает в письмах к жене, некоторые современники называли «салонем Тарле». Он служил местом неформальных встреч различных поколений петербургской гуманитарной (по преимуществу) интеллигенции: здесь бывали академики и профессора Ф. И. Успенский, В. В. Бартольд, П. К. Коковцов, А. Ф. Кони⁸⁷, С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, М. М. Богословский, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, А. И. Заозерский, В. М. Алексеев, О. А. Добиаш-Рождественская, Д. Н. Егоров, В. Н. Бенешевич, М. Я. Пергамент, П. Е. Щеголев, А. П. Семенов-Тянь-Шанский, молодые тогда ученые Б. А. Романов, А. Н. Шебунин, А. М. и Л. А. Мерварт, М. К. Гринвальд, В. В. Струве, сестры Платоновы, П. П. Щеголев, бывали писатели А. Н. Толстой⁸⁸, Т. А. Богданович, Т. Л. Щепкина-Куперник, вдова

Л. 38). Пер.: «Я послал Бор. Ал. Романову в Централхив небольшую статью “Памяти Преснякова”. Позвони ему немедленно и попроси показать тебе эту маленькую рукопись. Не знаю, куда ее поместить. В “Вечернюю Красную газету”?» (*франц.*). Нам не удалось обнаружить эту статью и выяснить, была ли она напечатана и где именно — в «Вечерней Красной газете» за последние месяцы 1929 г. ее, по крайней мере, нет.

⁸⁶ См.: *Ананьич Б. В.* О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка.* М.; СПб., 1995. С. 77–86; см. также сами воспоминания: *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // Там же. С. 30–43.

⁸⁷ См., например, письмо Е. В. Тарле к нему от 17 сентября 1926 г.: «Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович, всегда счастливы будем Вас видеть и слышать Ваши слова о Гончарове. Ольга Гр-на скоро попросит Вас пожаловать на доклад Серг. Фед. Платонова, — после которого она вскоре и надеется послушать Вас. Сердечный привет от нас обоих Вам и Елене Васильевне. Преданный вам Евг. Тарле» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3375. Л. 1).

⁸⁸ О знакомстве Тарле с А. Толстым свидетельствует, в частности, письмо последнего редактору «Нового мира» В. П. Полонскому по поводу продолжения романа «Хождение по мукам»: «Все, ну буквально все, даже такие люди, как Тарле, мне говорят: обождите немного» (Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 68 (письмо от 31 декабря 1928 г.).

Г. В. Плеханова Р. М. Плеханова⁸⁹, музыканты М. О. Штейнберг⁹⁰ и М. В. Юдина и многие другие.

Встречающееся иногда в мемуарах и литературе о Тарле указание на то, что он занимал бывшую квартиру С. Ю. Витте, не вполне точно. Дом на Дворцовой набережной, 30, в котором с середины 1920-х гг. жил Е. В. Тарле, до революции принадлежал дворцовому ведомству, и в октябре 1905 г., когда Витте возглавил правительство, в нем была оборудована служебная квартира из 30 комнат для премьер-министра⁹¹. Разумеется, квартира Тарле составляла только незначительную часть этих апартаментов.

3

Из работ Е. В. Тарле 1920-х гг., в дополнение к уже рассмотренным, следует сказать еще о книге «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства»⁹². Она была продолжением его исследований о французских рабочих в период Великой революции, и материалы для нее автор начал собирать еще до войны. Работа почти целиком базируется на архивных данных, преимущественно на хранящихся в парижском Национальном архиве донесениях префектов и других правитель-

⁸⁹ Сотрудница Дома Плеханова Е. С. Коц вспоминала о друзьях Р. М. Плехановой, собиравшихся у нее в памятные и праздничные дни: «Среди них были очень интересные люди — Е. В. Тарле, его сестра Тарновская, большая умница, Щепкина-Куперник, готовая в любой момент сочинить к случаю изящные и остроумные стихи, скульптор Гинцбург, создатель прекрасного бюста Плеханова, установленного на его могиле» (Коц Е. С. «На мою долю выпал счастливый лотерейный билет» / Публ. И. В. Смирновой // Исторический архив. 1998. № 2. С. 215).

⁹⁰ Ср. запись в дневнике композитора М. О. Штейнберга от 23 января 1925 г.: «Пошел к Тарле, где застал многочисленное общество профессоров и разных дам. Журфикс доброго старого времени. Евгений Викторович очень мил» (Кабинет рукописей РИИИ. Ф. 28. Д. 1106. Л. 6).

⁹¹ См., например: Биржевые ведомости. 1905. 27 окт. С. 3. Ср.: Дома рассказывают. Л., 1991. С. 36, 38–39 (статья Л. И. Бройтман «В стенах старого дома»).

⁹² Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе. М.; Л., 1928. 279 с.

ственных чиновников, полицейских агентов и т. д., в меньшей степени — на рассказах современников и сообщениях тогдашней прессы. Автор подробно рассматривает состояние французской промышленности в годы Реставрации, материальное положение рабочих в связи с колебаниями экономической конъюнктуры и началом машинного производства, формы рабочего протеста и отношение к нему различных политических группировок. Последняя глава книги была посвящена восстанию рабочих в Лионе 1831 г., которое, по мнению автора, «выросло на почве экономического положения местного рабочего класса» и не преследовало политических целей⁹³.

Хотя работа Е. В. Тарле вышла в серии, издававшейся Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса под редакцией Д. Б. Рязанова, советский рецензент, признавая ее ценность, предупреждал, «что автор рекомендуемой книги не является марксистом и поэтому к употребляемой им марксистской терминологии надо относиться с большой осторожностью»⁹⁴. Ф. В. Потемкин также отмечал ценность материалов, собранных в работе Тарле, но указывал на недостаточную разработку собственно экономических аспектов и отказ от настоящей постановки проблемы промышленной революции⁹⁵. Как и прежние работы автора в этой области, книга носила конкретно-исторический характер и не свидетельствовала о большом интересе к вопросам теории. Для Тарле эта книга оказалась по существу прощанием с темой, — больше к истории французского рабочего класса (если не считать таковой «Жерминаль и прерияль») он практически не обращался⁹⁶.

⁹³ Эта глава ранее была напечатана отдельно: *Тарле Е. В.* Лионское рабочее восстание // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 3. М.; Л., 1927. С. 51–99. Франц. перевод: *Tarlé E.* L'insurrection ouvrière de Lion // *Revue marxiste*. 1929. № 2. P. 132–153; № 3. P. 265–294; № 4. P. 412–428.

⁹⁴ *Завитневич И.* [Рец. на кн.:] Тарле Е. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства // *Историк-марксист*. 1929. Т. 11. С. 189–193.

⁹⁵ *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции по новейшим работам // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 4. М.; Л., 1929. С. 449–453.

⁹⁶ Единственным исключением было написанная по собранным ранее материалам статья: *Tarlé E.* La grande coalition des mineurs de Rive de Gier en 1844 // *Revue Historique*. 1936. Т. 177. № 2. P. 249–278.

Напротив, в центре новейших интересов автора находилась небольшая книга «Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики»⁹⁷. В значительной мере она представляла собой психологическую характеристику Витте на основании его мемуаров с характерным для Тарле элементом любования блестящим и циничным политиком. Нельзя, однако, сказать, что он совершенно не критичен к своему герою⁹⁸. Тарле (не расходясь в этом с большинством современников) видел в нем лишенного каких-либо убеждений властолюбца и карьериста, — и вместе с тем очень крупного и талантливого государственного деятеля: «В этом человеке был и пронизательный политик, видевший будущее <...> и в нем же сидел одновременно ловкий политический делец, техник, царедворец, который полагал свою честь в том, чтобы целесообразно и безболезненно исполнить задание своего повелителя»⁹⁹. «Человек, стоявший на грани двух эпох и двух социальных слоев, <...> человек, способствовавший насаждению и укреплению крупной буржуазии и приверженец выросшего на совсем иной социальной почве самодержавия, автор манифеста 17 октября, сделавший все, что было в его силах, чтобы иметь возможность свести этот манифест к нулю», — замечал историк¹⁰⁰.

«Министр, превосходящий разнообразием своих дарований, громадностью кругозора, умением справляться с труднейшими задачами, блеском и силою своего ума всех современных ему людей власти, кроме Бисмарка и Гладстона, — Витте всегда будет привлекать к себе внимание историков, и всегда их будет занимать раздвоенность поведения и мышления этой цельной, по существу, натуры, это конечное бессилие в достижении главного при могучей силе в достижении и осуществлении отдельных труднейших заданий. Он хотел спасти, а ему только удалось

⁹⁷ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., 1927. 96 с.

⁹⁸ «Мелкая душа и громадный ум — вот как лаконичнее всего можно формулировать впечатления от этого автопортрета», — таков был его непосредственный отклик на воспоминания Витте (Тарле Е. О мемуарах графа Витте // Вестник литературы. 1922. № 10. С. 7–8).

⁹⁹ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики... С. 31–32.

¹⁰⁰ Там же. С. 90.

несколько отсрочить гибель», — заключал Тарле¹⁰¹. Как видим, общая оценка Тарле исторической ситуации, несмотря на более «государственнический» тон, не слишком изменилась по сравнению с той, которую он давал двадцатью годами ранее.

Что касается специальной его темы — характеристики Витте как деятеля в области внешней политики, то, по словам Б. В. Ананьича, «Тарле в свойственной ему свободной литературной манере пересказал и прокомментировал внешнеполитические события, описанные в мемуарах, целиком следуя концепции Витте»¹⁰². Приходится признать, что в исследовательской литературе о Витте этот очерк не оставил особенно заметного следа. Начало современному научному «виттеведению» положил в очень большой мере Б. А. Романов, давший с начала 1920-х гг. ряд блестящих «документальных комментариев» к мемуарам Витте. По словам самого Б. А. Романова, «Е. В. Тарле был единственным, кто в 1921 г., в начале моих подготовительных работ в этом направлении, высказался за законность этой темы в академическом плане»¹⁰³. Тем более странно, что Тарле почти не использовал результатов этих «прекрасных», по его же словам, исследований.

О том, сколь близки еще были тогда события и люди, о которых шла речь, свидетельствует письмо Тарле от 26 мая 1927 г. московскому историку А. И. Яковлеву, очевидно, в ответ на отзыв последнего о книге: «А мне казалось, что я к Витте не очень милостив, а только беспристрастен. Ведь Вл[адимир] Ив[анови]ч, его помощник, немножко под властью *iraе* (гнева (*лат.*) — Б. К.) и сердится за (в самом деле скверное) поведение его принципала по отношению к нему? Ну а я простил Серг[ею] Юл[ьеви]чу за то, что он в своих “Воспоминаниях” радуется моему поранению 18 октября 1905 г.»¹⁰⁴. Имелся в виду один из

¹⁰¹ Там же. С. 91.

¹⁰² Ананьич Б. В. Мемуары С. Ю. Витте в творческой судьбе Б. А. Романова // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. Л., 1991. С. 34.

¹⁰³ См.: Фурсенко А. А. О жизненном пути Б. А. Романова // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 158; Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 74.

¹⁰⁴ Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 479. Л. 2.

ближайших сотрудников Витте В. И. Ковалевский (1848–1934), который в советское время работал с Н. И. Вавиловым в Институте опытной агрономии. Тарле регулярно поддерживал отношения и с А. Ф. Кони, который прислал ему свои воспоминания о Витте¹⁰⁵ и затем, по выходе работы Тарле, констатировал сходство их оценок¹⁰⁶.

Любопытен и такой факт. Член так называемой «безобразовской шайки», интриговавшей в начале XX в. против Витте и способствовавшей развязыванию войны с Японией, полковник Вонлярлярский вспоминал, как, находясь зимой 1920–1921 г. в Петрограде, он слышал публичную лекцию Тарле о возникновении Русско-японской войны и как потом, якобы, указал профессору на лживый характер его повествования, основанного очевидно на воспоминаниях Витте¹⁰⁷.

Самой крупной и известной работой Е. В. Тарле 1920-х гг. была книга «Европа в эпоху империализма. 1871–1919»¹⁰⁸, выросшая из его университетских курсов по новейшей истории. При чтении ее бросается в глаза (особенно по сравнению со статьями Тарле в «Анналах») усвоение автором до известной степени марксистской терминологии и тона. Впрочем, «марксистский слой» в этой книге остается довольно поверхностным. В первой главе Тарле, ссылаясь на Р. Гильфердинга, говорит о роли финансового капитала, оказывавшего огромное влияние на политику великих держав. Имя Ленина в первом издании «Европы в эпоху империализма» не упомянуто ни разу. Во втором издании ссылка на Гильфердинга характерным образом расширена: «Об исторической роли финансового капитала в связи с критикою суждений Гильфердинга и с указанием на симптомы “загнивания всей системы” см. работу Ленина, написанную им в Цюрихе весной 1915 г. “Империализм как новейший этап капитализма”. Эта

¹⁰⁵ См. благодарственное письмо Тарле от 27 января 1925 г. — РО ИРЛИ. Ф. 1340. Оп. 3. Д. 1674. Л. 3.

¹⁰⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 5. М., 1968. С. 465 (комментарии Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина к воспоминаниям Кони).

¹⁰⁷ Вонлярлярский В. М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С. 240–241.

¹⁰⁸ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л., 1927. 484 с.; изд. 2-е, доп.: М.; Л., 1928. 511 с.

книга породила целую литературу»¹⁰⁹. Но после этой достаточно «дистанцированной» ссылки Тарле в теорию империализма не углубляется и, по существу, употребляет слово «империализм» в значении «экспансионизм».

Дав краткий обзор внутривосточного развития Франции, Англии и Германии к началу XX в., Тарле переходит затем к истории образования Тройственного союза и Антанты, противостоянию борющихся коалиций и подробно описывает развязывание и ход Первой мировой войны. Завершается книга главой о Версальском мире и итогах войны. В то время это были события самого недавнего прошлого, полные животрепещущего интереса. Обширный и хорошо организованный материал, яркое и живое изложение, великолепные характеристики действующих лиц исторической драмы — Бисмарк, Вильгельм II, Клемансо, Пуанкаре, Эдуарда VII, Вильсона, лидеров младотурок — не могли не привлечь внимания читателей и обеспечили большой успех книги. Тарле говорит о «полнейшей безответственности» русской дипломатии «последних двадцати предвоенных лет», т. е. с начала царствования Николая II, дает убийственную личную характеристику Вильгельма II и противопоставляет его авантюризм осторожной политике Бисмарка, Францию называет «республикой с монархическими учреждениями», административные традиции которой восходят ко времени Наполеона. К Клемансо как человеческому типу он относится с невольной симпатией.

Шаг за шагом прослеживает Тарле сползание Европы к войне, и это повествование захватывает даже сегодня. Что касается вопроса о виновниках войны, то Тарле считает его в такой форме малоинтересным. «Виновны были обе стороны, но вся обстановка сложилась так, что соблазн поскорее начать, “losschlagen”, должен был неминуемо охватить в 1913 г. (в конце его) или в 1914 г. именно Германию и Австрию, а не Антанту... Мораль и человеколюбие дипломатов и правителей обеих враждебных политических комбинаций стояли на одинаковом уровне»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1928. С. 9.

¹¹⁰ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л., 1927. С. 238.

Тарле говорит и о том, что «повторяли слова, вырвавшиеся будто бы у двоюродного брата Пуанкаре великого математика Анри Пуанкаре в первый момент, когда ему сообщили, что Раймон Пуанкаре стал первым министром: “Мой двоюродный брат — это война”»¹¹¹, и об «игре с огнем, которая тогда практиковалась в русской дипломатической деятельности»¹¹². В то же время Тарле считал, что «никогда и никем не было доказано, что в заговоре (против австрийского наследника. — Б. К.) принимали прямое участие сербские власти»¹¹³. Решающим событием последнего периода войны Тарле считал вступление в нее Соединенных Штатов.

Тарле подчеркивал тяжелейший, беспощадный характер Версальского мира, делавший его источником новых конфликтов, однако он не соглашался с рассуждениями о «конце Европы», «гибели Запада», даже «конце человеческой цивилизации». По словам Тарле, «это умственное поветрие было в ходу в университетских и литературных кругах Германии в 1919–1923 гг. ... С 1923 г., особенно же с 1924 г. это явление стало заметно ослабевать»¹¹⁴. «Ни “гибели”, ни “спасения”, продолжающаяся непрерывная, часто бурная и болезненная эволюция, продолжающаяся характерная для социологической природы капитализма одновременная внешняя (международная) и внутренняя (классовая) борьба за его существование и преобладание», — таким видится Тарле ближайшее будущее¹¹⁵. Вероятно, здесь содержится полемика не только с «историософами» типа Шпенглера, но и — в скрытом виде — с ленинскими предсказаниями близкой гибели империалистического капитализма.

«Европа в эпоху империализма» вызвала яростную атаку М. Н. Покровского. В статье «“Новые течения” в русской исторической литературе» он заклеил эту книгу как «псевдомарксистскую» и «антантофильскую». «По существу дела мы имеем перед собою один из образчиков до сих пор ведущейся Антантою

¹¹¹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л., 1927. С. 210.

¹¹² Там же. С. 245.

¹¹³ Там же. С. 260.

¹¹⁴ Там же. С. 459–460.

¹¹⁵ Там же. С. 469.

полемики против Германии», — заявлял он¹¹⁶. Тарле ответил статьей «К вопросу о начале войны», в которой отвергал обвинение в антантофильстве. «Я много раз повторяю, что Антанта и Германия вполне друг друга стоили... — писал он. — Это по существу. Отвечать в печати в том тоне, в каком счел уместным писать Покровский, я не имею ни охоты, ни возможности»¹¹⁷. Ответ Тарле был снабжен редакционным примечанием, в котором заявлялось: «Это тон, каким мы всегда разговариваем с нашими классовыми противниками»¹¹⁸.

В вышедшее одновременно с этим ответом второе издание «Европы в эпоху империализма» Тарле внес некоторые дополнения. «Война была подготовлена сложнейшей игрою противоречивых экономических интересов, порожденных капитализмом в Европе... — подчеркивал он. — Неизбежное произошло. Если в истории этой величайшей катастрофы есть что-либо сравнительно крайне малоинтересное, то это пресловутый вопрос о том, кто “виновен” в войне... Провоцировали ли Сербия и Россия Австрию целый ряд лет? Да. Была ли в Германии и Австрии агрессивная военная партия, опиравшаяся на могущественные капиталистические силы? Да. Стремилось ли русское правительство завладеть Константинополем, не останавливаясь, если понадобится, пред войною? Да. Были ли в Англии и во Франции широчайше распространенные по целому ряду экономических причин антигерманские настроения? Да... Воздерживалась ли от крупных и мелких провокаций хоть одна из великих держав в последние годы пред войною? Нет. Довольно задать себе хотя бы эти несколько вопросов и ответить на них, чтобы самое обсуждение проблемы о “виновности” потеряло всякую остроту. К лету 1914 г. вопрос ставился по существу уже чисто технически: кому и когда удобнее выступить»¹¹⁹.

¹¹⁶ Покровский М. Н. «Новые течения» в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 12.

¹¹⁷ Тарле Е. В. К вопросу о начале войны (Ответ М. Н. Покровскому) // Там же. 1928. Т. 9. С. 102, 106–107.

¹¹⁸ От редакции // Там же. С. 108–109.

¹¹⁹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1928. С. 260–261.

Все было напрасно. 19 сентября 1928 г. Покровский писал в редакцию «Историка-марксиста»: «Посылаю Вам “Ответ” Тарле на мою статью об “Европе в эпоху империализма” с проектом примечания от редакции. Вступать с Т[арле] в полемику, как Вы увидите, нет никакого смысла. <...> Вообще после его выходки в Осло в особенности его песенка как “советского историка” спета. Между ним, Ростовцевым и Платоновым по существу нет никакой разницы, а формальная разница, что один эмигрант “внешний”, а другие “внутренние”, касается не нашего идеологического фронта, а совсем другой сферы отношений, где решать мы не призваны и не обязаны»¹²⁰. «Выходкой в Осло» Покровский называл следующий инцидент. На VI Международном конгрессе историков, состоявшемся в Осло в 1928 г., М. И. Ростовцев, входивший в состав американской делегации, обрушился с нападка на главу советской делегации Покровского, обвинив его в насильственном насаждении марксизма, разрушении высшей школы, гонениях на ученых и т. д. Тарле, включенный в состав советской делегации, очевидно, предвидел возможность таких инцидентов и, не желая выступать в одной компании с Покровским, отказался приехать в Осло под предлогом болезни, о чем сообщил в последний момент телеграммой из Парижа¹²¹. Покровский, судя по всему, был очень уязвлен всей этой историей и развязал против Тарле, в котором видел опасного соперника, настоящую разгромную кампанию в печати.

Любопытен в этой связи состоявшийся весной 1928 г. разговор академика С. Ф. Ольденбурга с заведующим Управлением

¹²⁰ Горин П. О. М. Н. Покровский — большевик-историк. С приложением неопубликованных писем М. Н. Покровского. Минск, 1933. С. 97.

¹²¹ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 287. Л. 1 (письмо Тарле Покровскому от 6 октября 1928 г.). Ср.: Покровский М. Н. О поездке в Осло // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 6(30). С. 233–237. Перед конгрессом, докладывая в секретариат ЦК ВКП(б) о предполагаемом составе советской делегации, Покровский писал: «Некоторое количество немарксистов нужно было допустить, ибо иначе состав делегации косвенно подтверждал бы белогвардейскую сплетню, будто в СССР немарксистам запрещено заниматься историей» (Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 175).

научных учреждений при Совнаркомом СССР Е. П. Вороновым. В ответ на слова Ольденбурга, что Академия наук идет в ногу со временем, о чем свидетельствует, в частности, избрание Тарле, «Воронов сказал с усмешкой: “Ну, не говорите, мы знаем Тарле. Если бы Тарле свои марксистские взгляды выражал бы не на словах, а побольше письменно. <...> А то выходит, что в своих заявлениях он марксист, а в своих научных трудах — иное. И очень скоро это будет указано с чисто научной точки зрения кем следует”»¹²².

Курьезным, но достаточно зловещим эпизодом развязанной кампании была статья в «Большевике» А. Слепкова, который, упомянув вышедшую под редакцией Тарле в 1918–1919 гг. книгу «Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции», заявлял: «Политическое лицо редактора этого сборника, высланного ГПУ из СССР за контрреволюционную деятельность, достаточно хорошо известно, чтобы о нем нужно было говорить»¹²³. Тарле ответил письмом в редакцию, в котором, процитировав приведенные слова Слепкова, писал: «Категорически заявляю, что это вымысел. Никто меня не высылал, от начала революции я преподавал и преподаю в Государственном университете и других советских учебных заведениях, неоднократно бывал приглашаем преподавать и читал лекции в партшколе, в научно-исследовательском институте Коммунистического университета и т. д., писал и пишу в “Историке-марксисте”, “Архиве Маркса и Энгельса”, книги мои издаются Госиздатом, “Трибоем”, Институтом Маркса и Энгельса... Все это показывает, что заинтересовавший Слепкова вопрос о моем “политическом лице” решается несколько не так определенно, как это ему по видимому представляется»¹²⁴.

Слепков (член редколлегии «Большевика») не смутился и в том же номере журнала заявил: «В ответ на письмо Е. Тарле считаю долгом сообщить следующее:

¹²² Запись Е. Г. Ольденбург от 1 мая 1928 г. Цит. по кн.: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 172.

¹²³ *Слепков А.* Орудие победы (К истории чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией) // *Большевик*. 1928. № 1. С. 49.

¹²⁴ *Тарле Е.* Письмо в редакцию журнала «Большевик» // Там же. С. 95–96.

1. Утверждение, что Е. Тарле высылался ГПУ за границу, приводившееся в моей статье “Орудие победы”, является неверным, в силу чего приношу Е. Тарле свои извинения.

2. Сборник “Революционный трибунал”, редактировавшийся Е. Тарле, и с точки зрения подбора материала и с точки зрения характера редакционных примечаний вне всякого сомнения не свидетельствует о симпатиях автора к марксизму и революции <...>.

3. Автор настоящих строк должен сообщить о том обстоятельстве, которое подтолкнуло его сделать допущенную ошибку. При переходе к НЭПу группой антисоветских ученых и журналистов стал издаваться орган “Экономист”, в числе сотрудников которого вместе с Н. Бердяевым, Б. Бруцкусом, С. Булгаковым, А. Изгоевым, П. Пальчинским, А. Пешехоновым, П. Сорокиным и др. мы встречаем и Е. Тарле. Как известно, журнал “Экономист” был закрыт за контрреволюционность, а его руководители были высланы ГПУ за границу»¹²⁵.

На книгу Тарле откликнулся в парижских «Современных записках» и его старый друг-враг В. Водовозов. «Заглавие книги заслуженного историка не вполне соответствует ее содержанию, — замечал он. — Это не история Европы в указанный период, а история империализма или даже история мировой войны и ее подготовки». Такой акцент, по мнению Водовозова, порой приводит к смещению перспективы: так, реформы Ллойд-Джорджа в начале XX в. Тарле трактует исключительно в плане подготовки Англии к предстоящей войне, в то время как они были «логическим развитием эволюции, шедшей в течение всего XIX в.». Не убеждает Водовозова и теория финансового капитала и экономической предопределенности войны. Он указывает, что на практике сам Тарле в своем изложении постоянно опровергает эту теорию. В целом, однако, несмотря на ряд критических замечаний, оценка Водовозова была весьма положительной: «Этот труд, без всякого сомнения, является плодом

¹²⁵ Слепков А. Ответ академику Тарле // Большевик. 1928. № 5. С. 96. Сообщение о предстоящей высылке Тарле из России вместе с другими нежелательными профессорами появилось в сентябре 1922 г. в берлинском «Социалистическом вестнике» (1922. № 18. С. 10).

большой и вдумчивой работы над очень обширным материалом. Это не компиляция, а действительно серьезное исследование, и безусловно очень долго еще все, изучающие причины, возникновение, ход и исход мировой войны, будут обращаться к нему. Это будут делать далеко не только те, кто согласен с основными идеями Тарле, но и те, кто склонен считать их односторонними и искать других объяснений великой катастрофы, пережитой человечеством»¹²⁶.

Через тридцать с лишним лет после оригинала вышел итальянский перевод «Европы в эпоху империализма», выдержавший несколько переизданий¹²⁷. Почти одновременно книга вышла в переводе на польский язык¹²⁸.

Литературные достоинства «Европы в эпоху империализма» признавал даже М. Н. Покровский, заметивший в статье, которая открывала кампанию против автора: «Книга вообще превосходно написана»¹²⁹. «Европа в эпоху империализма» по справедливости должна быть признана одним из лучших произведений талантливого историка. В ней проявилось уже созревшее полностью мастерство Е. В. Тарле как повествователя», — писал спустя полвека А. З. Манфред¹³⁰. В наше время Вяч. Вс. Иванов назвал «Европу в эпоху империализма» «лучшей в литературном отношении книгой плодovitого ученого», полагая, что некоторые ее страницы «со временем должны войти в хрестоматию»¹³¹.

Ф. Вентури в статье о Тарле 1956 г. отмечал солидность работы, мастерство изложения, «наслаждение», с которым автор воссоздает живое течение истории, но также и некоторую теоретическую беззаботность Тарле, готового использовать чисто вербально или в косметических целях официально одобренные

¹²⁶ См.: *Водовозов В.* [Рец. на кн.:] Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л., 1927 // *Современные записки*. 1928. № 6. С. 551–555.

¹²⁷ *Tarle E.* *Storia d'Europa*. 1871–1919. Roma, 1959. 526 p.; 4 ed.: 1968.

¹²⁸ *Tarle E.* *Dzieje Europy 1871–1919*. Warszawa, 1960. 666 s.

¹²⁹ *Покровский М. Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе. С. 11.

¹³⁰ *Манфред А. З.* Академик Е. В. Тарле // *Вестник АН СССР*. 1976. № 3. С. 115.

¹³¹ *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2. С. 596–597.

концепции, не очень заботясь о согласовании с ними своих подлинных представлений¹³².

Интересным подтверждением этих наблюдений Ф. Вентури являются советы, которые давал Е. В. Тарле через двадцать лет после «Европы в эпоху империализма» А. Д. Люблинской, писавшей докторскую диссертацию о Ришелье. «Сначала Вы должны хоть на 10 листах делать обобщения, социологические объяснения etc. — полностью. Затем — приступить к концу повествования уже чисто нарративно. *Exempli gratia*: “Ришелье был на рубеже феодализма, абсолютизма, новой прослойки etc. etc., назревало что-то, переходный период etc. etc.”, а затем: “В 1639 и сл[едующие] годы наделал таких-то пакостей, успешно вел такие-то переговоры, ссорился с теми-то, мирился с такими-то, интриговал так и так, затем заболел и околел”. (И подробно, обстоятельно, рассказывательно.) И точка. И уже никаких литаний о том, что он был продуктом etc. *Compris, chère Madame?* Почитайте Саллюстия, последние страницы лучше Тацита, хотя в других отношениях рылом не вышел равняться с Тацитом. А уж потом, проведя две жирные черты и с новой страницы и с особым названием “Тезисы” и что Вам угодно»¹³³. Ясно, что на самом деле интересовало Тарле в истории. Впервые к тактике, рекомендуемой им А. Д. Люблинской, Тарле прибегнул (в довольно умеренных дозах) в «Европе в эпоху империализма». Впоследствии ему приходилось делать это неоднократно.

¹³² Venturi F. *Op. cit.* P. 128–130.

¹³³ Каганович Б. С. Письма акад. Е. В. Тарле к А. Д. Люблинской // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 156 (письмо от 16 декабря 1946 г.).